

Ван Дали тут же поманил рукой, и два его подручных, каждый из которых держал в руках мешок вдвое больше предыдущего, подошли к колонне и распахнули горловины. Ван Дали произнес:

— Кто хочет жить — выкладывайте все золотые и серебряные монеты, что при вас есть! Нет наличных — отдавайте золотые и серебряные украшения. Кто посмеет хитрить — кончит так же, как он.

С этими словами он указал пальцем на поверженного главу торгового каравана, валявшегося на земле.

Едва замолкли его слова, как двое бандитов с мешками двинулись в толпу. Подходя к каждому человеку, тот, хоть и скрепя сердце, был вынужден бросать в мешок свои деньги или ценные вещи. В конце концов, богатство — это дело наживное, но если лишиться жизни, какая тогда от денег польза?

Пока те двое вовсю грабили людей, тощий мужчина, только что сбивший с ног главу каравана, подошел к предводителю разбойников и шепнул на ухо:

— Главарь, парни с подножия горы передали весть: трое незнакомцев проигнорировали предупреждение и поднялись наверх, направляются сюда, да еще и ранили двоих наших дозорных.

— Мать твою, знакомые?

Тощий помотал головой:

— Нет.

— Всего трое?

— Всего трое!

Ван Дали погрузился в раздумья. Раз они смогли ранить парней внизу, пришедшие явно не робкого десятка. Но дозорные у подножия и сами-то не блещут особыми талантами, к тому же здесь столько людей — неужели им бояться каких-то троих? Разве можно упускать добычу, которая уже плывет в руки? Приняв решение, он приказал:

— Пока понаблюдаем за изменениями. Пусть братья подготовятся, а когда поднимутся — посмотрим по обстоятельствам.

Тощий мужчина повиновался и отправился предупреждать остальных. В этот момент в толпе внезапно раздался крик:

— Жить надоело, что ли, тьфу!

Один из бандитов врезал Дяде Юню ногой в живот. Тот сразу же свернулся калачиком на земле и забился в мучительных судорогах.

Увидев, что мешавший старик наконец обезврежен, бандит протянул руку к нефритовому

браслету на запястье Юнь Ма. Заметив это, Дядя Юнь попытался снова подняться на ноги, но, увы, он был уже в годах, а разбойники никогда не церемонились с жертвами, и от пронзительной боли старик никак не мог встать.

Почему же Дядя Юнь и Юнь Ма шли в самом центре каравана и так быстро столкнулись с разбойниками? Оказалось, заметив, как Чжэн Фэн побежал вперед к началу колонны, чтобы посмотреть на представление, они испереживались за его безопасность и поспешили следом, поэтому бандиты, обиравшие людей, так быстро добрались и до них.

Собственных детей у стариков не было, и Чжэн Фэна они любили больше всех на свете. Жили они бедно, но стоило раздобыть хоть какое-то лакомство или забавную вещицу, как они тут же несли это Чжэн Фэну. Можно сказать, относились к нему как к родному сыну, именно поэтому они и оказались рядом.

Другие могли этого и не знать, но Чжэн Фэн, выросший в доме Дяди Юня и Юнь Ма, знал лучше всех: тот самый заурядный нефритовый браслет был единственным приданым, которое Дядя Юнь принес, женившись на Юнь Ма много лет назад, и Юнь Ма дорожила им пуще собственной жизни.

Неизвестно, откуда в Чжэн Фэне взялись силы, но он вскочил с земли, словно безумный бросился на того бандита и, воспользовавшись тем, что тот не ожидал нападения, вцепился зубами в его загребушую ручищу — впился изо всех сил.

Бандит взвыл от боли, отдернул руку, а второй оттолкнул мальчика на землю. Глянув на ладонь, он обнаружил на ней два четких ряда следов от зубов, из самых глубоких уже сочились мелкие капельки крови. Подумать только, откуда в таком сопляке столько дури!

Когда до него дошло, что противник — всего лишь ребенок, его захлестнула волна жгучего стыда. Это казалось ему даже более унижительным, чем получить удар мечом в бою. И на зло всем этот маленький мальчик снова поднялся на землю и, словно насадка, защищающая цыплят, заступил дорогу перед старой женщиной, чеканя каждое слово:

— Твой противник — я, не смей обижать женщину.

Даже стоявший рядом соплеменник не выдержал и расхохотался, на миг забыв о своей работе:

— Железная Голова, сегодня тебе попался крепкий орешек, помочь, братец?

Юнь Ма же перепугалась еще сильнее прежнего. Торопливо сдернув браслет с запястья, она запричитала:

— Вот, забирай его, мне он больше не нужен, не нужен!

Она пыталась затащить Чжэн Фэна себе за спину, но его ноги будто вросли в землю, и сдвинуть мальчика с места никак не получалось. В этот момент она вдруг отчетливо осознала, что Чжэн Фэну уже одиннадцать лет и он больше не тот малыш, которого она водила за ручку по всему

свету.

Железная Голова холодно ухмыльнулся, его пухлые щеки задрожали, скривившись так жутко, что это было хуже плача:

— Теперь, когда ты сам пришел к нам в лапы, мне эта вещица уже даром не нужна. У меня другие запросы. Эй, сопляк, как тебя звать?

Чжэн Фэн ответил:

— Какое тебе дело до моего имени? И твоего знать не хочу. Для меня вы все — негодяи.

С этими словами мальчик ткнул в себя пальцем:

— Но запомни мое лицо! Потому что когда-нибудь я стану наемником. Самым крутым наемником на всем этом континенте, и буду расправляться с такими подонками, как вы.

Железная Голова вдруг рассмеялся, и стоявший рядом товарищ тоже заржал. Оба они словно услышали самую смешную шутку на свете, сгибаясь пополам и не в силах остановиться. Спустя мгновение лицо Железной Головы заледенело, и он процедил, глядя на упрямого мальчишку:

— Боюсь, твоему желанию не суждено сбыться, ведь сегодня твой личный Янь-ван — это я, и я забираю твою жалкую жизнь.

Он взнес занесенный железный меч, источавший леденящий холодок, и вовсю метнул его прямо в грудь Чжэн Фэна. Если бы удар достиг цели, на теле мальчика непременно образовалась бы кровавая дыра. Увидев это, люди невольно зажмурились, не в силах смотреть на столь трагическую развязку.

Однако прошло много времени, а крика Чжэн Фэна так и не послышалось. Когда зрители снова открыли глаза, они увидели лишь то, как железный меч мирно лежит на земле без всякого движения. Сам же Железная Голова левой рукой прижимал правую, скорчившись от дикой боли, а его взгляд был прикован к тому, что происходило у него за спиной.

Окружающие проследили за его взглядом и увидели троих мужчин в простых одеждах, неторопливо поднимающихся с горы. Шедший посередине отличался крепким телосложением, тигровыми глазами, широкими бровями, широким лицом и высоким носом. Он шел самой обычной походкой, но от него исходила такая волна властности, что просто сбивала с ног. В руке он держал винный кувшин. Человек по левую руку от него был ладно сложен, белокож и румян, с бровями в форме полумесяцев и глазами, сияющими подобно звездам, — в нем было какое-то ослепительное, завораживающее изящество. Тот же, что шел справа, был широк в кости и тучен, ростом едва доставал до плеча обычного человека, с густыми бровями, большими глазами и густой окладистой бородой.

Красавец слева заговорил на ходу:

— Вторая брат, да когда же ты изменишь свой нрав? В поднебесной и так беспокойно, всех несправедливостей мира все равно не переделаешь, даже если будешь убиваться до самой смерти.

Бородач засучил рукава:

— Что, испугался, раз их тут много?

— Отнюдь, отнюдь. Я боюсь не их, а того, что из-за этого мы снова потеряем время, — сплошная морока.

— Боишься хлопот — стой в сторонке, как раз разомнись.

— Ну нет, так не пойдет. Хорошие братья должны вместе и девок тискать, и драться. Раз Вторая брат уже ввязался в это дело, значит, это и мое дело тоже.

Тощий бандит, что передавал весть, увидев, что эти трое мало того что избили их товарищей, так еще преспокойно болтают и скалят зубы, поднимаясь на гору словно на прогулку — и вовсе ни во что не ставят их шайку, — почувствовал, как в груди закипает ярость. Он рявкнул на пришельцев:

— Вы еще кто такие?! Глаза дома забыли оставить? Не видите, что мы тут делом заняты, да еще и наших людей посмели покалечить? Если у вас есть хоть капля мозгов, марш извиняться на коленях, да побейте нам три земных поклона, тогда, глядишь, и отпустим!

Речь тощего звучала угрожающе и выглядела весьма внушительно — он даже сам слегка загордился, мысленно предвкушая, как в такой обстановке эта троица непременно спасует. Увы, поддавшись сиюминутному импульсу, он позабыл: раз те люди посмели поднять руку, с чего бы им бояться толпы и чувствовать себя неуверенно?

И точно: бородач смачно сплюнул, бросил фразу — Посмотрим еще, кто кому тут поклоны бьет и кто кому отец — и налегке бросился прямо на тощего.

Тощий не ожидал, что этот мужик окажется настолько взрывоопасным: только сказал — и сразу в драку. Увидев к тому же, что тот даже не вытащил висевший на поясе меч, а прет напролом с одними голыми кулаками, он почувствовал, как в нем вскипает гордость: неужели мой клинок не справится с твоими кулаками? — и поспешно вскинул меч навстречу.

Стоявший в стороне Ван Дали не стал останавливать подчиненного, не отрывая глаз от кулаков бородача. В мгновение ока они столкнулись, но произошло нечто совершенно невероятное: железный меч тощего не только не разрубил кулак бородача пополам, но сам отлетел, а противник смачно врезал тощему в грудь так, что тот выплюнул кровь и с глухим стуком рухнул на землю.

В тот самый момент, когда они столкнулись, на лице Ван Дали на миг промелькнула паника. Ранее, заметив, как кто-то исподтишка атаковал Железную Голову, но не разглядев никакого скрытого оружия, он заподозрил, что нападавший применил Ци меча, однако не был уверен. А

сейчас они с тощим сошлись прямо у него на глазах, и сияющий белый свет на кулаках бородача он видел предельно четко — это была именно Ци меча!

Что за уровень у воина, способного испускать Ци меча на десяток метров? Это граница, подвластная лишь Великим Мастерам Меча!

Великий Мастер Меча в Городе Хайюэ — фигура колоссального веса. А уж за пределами Города Хайюэ, в таких глухих краях, подобный человек и вовсе становится владыкой целого региона, местным гегемоном. Стоит вспомнить, что глава Города Цаомао лишь пару лет назад с трудом преодолел ступень мастера меча и ступил на порог младшего Великого Мастера Меча.

Ван Дали окончательно остолбенел. А валявшийся на земле тощий всё еще не желал признавать поражения: он поднялся на ноги, собираясь продолжить схватку, да вдобавок принялся болтать языком:

— Твой дед просто оступился по неумежности, если есть кишка...

Однако договорить он не успел: главарь разбойников подскочил и снова смачно пнул его под зад, отправив обратно в пыль.

— О трех героях и славных молодцах и речи нет! Младший по молодости лет не разумел почтения и оскорбил уважаемых господ, я приношу вам троих свои извинения! И еще... это сущие пустяки, в знак почтения к трем старшим братьям, надеюсь, вы не станете гневаться на нас, убогих, и судить строго.

Остальные бандиты, видя, что их главарь в мгновение ока сменил физиономию на угодливую улыбку и изо всех сил пытается задобрить троих пришельцев, — а все они уже давно терлись в цзянху и прекрасно просекли фишку, осознав, что с этими тремя шутки плохи, — тут же дружно последовали примеру атамана, принявшись приносить извинения. На мгновение воздух наполнился такими сладкими речами и льстивыми заискиваниями, что казалось, будто волны на море поднимаются одна за другой при налетевшем шторме.

Шедший посредине мужчина хмыкнул и бросил Ван Дали:

— Ну а теперь скажи мне: мой брат — ваш отец, или вы все — отцы моему брату?

Ван Дали испуганно замахал руками: годы лизания лезвий научили его не дорожить подобными словесными препирательствами, когда на кону стоит жизнь:

— Он наш отец, мы все его сыновья!

— Раз уж вы сыновья, то три земных поклона отцу — дело ведь справедливое?

Вот тут Ван Дали крепко призадумался. Одно дело ляпнуть языком — мол, кто вовремя прогнулся, тот и герой, — и совсем другое реально бить поклоны кому-то в ноги. К тому же,

даже если и бить, он никак не мог оказаться первым, иначе перед братвой за ним навечно закрепится репутация труса, трясущегося за свою шкуру.

К счастью, в этот момент Железная Голова, только что незаметно получивший щелчок по носу, уже исчерпал весь свой запас терпения и взвизгнул:

— Да пошли вы к черту со своим папашей! Хватит уже ломать комедию! Если и впрямь дойдет до драки — даже если одолеть вас не смогу, дед ваш не лыком шит! Либо вашу руку отрублю, либо ногу оторву!

<http://bllate.org/book/19475/1909383>